

11. Информационное общество в Республике Беларусь, 2019 Статистический сборник / Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/public_compilation/index_14277/. – Дата доступа: 20.01.2020.

12. Итоги деятельности ПВТ в 2018 году / БЕЛТА [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belta.by/infographica/view/itogi-deyatelnosti-pvt-v-2018-godu-16012/>.

13. Резиденты ПВТ заплатили на четверть больше налогов в бюджет / Белорусы и рынок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.belmarket.by/rezidenty-pvt-zaplatili-na-chetvert-bolshe-nalogo-v-byudzhet>. – Дата доступа: 24.02.2020.

14. А1 и becloud развернут сеть 4G по всей Беларуси / Naviny.by Белорусские новости [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://naviny.by/article/20191212/1576147788-a1-i-becloud-razvernut-set-4g-po-vsey-belarusi>. – Дата доступа: 12.12.2019.

15. 5G в Беларуси все ближе. А1 подал заявку, при этом все может обойтись без beCloud / Онлайнер [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://tech.onliner.by/2019/11/12/5g-belarus>. – Дата доступа: 02.02.2020.

16. *Бабосов, Е. М.* Выстраиваем IT-страну / Е. М. Бабосов // Беларусь. думка. – 2019. – №1. – С. 30–36.

17. Постановление Совета Безопасности Республики Беларусь / Портал Президента Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://president.gov.by/uploads/documents/2019/1post.pdf>. – Дата доступа: 01.12.2019.

(Дата подачи: 20.02.2020 г.)

В. А. Мельник

Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
Минск

V. Melnik

Academy of Management under the President of the Republic
of Belarus, Minsk

М. И. Радкевич

Республиканский институт высшей школы, Минск

M. Radkevich,

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 321

**ЭВОЛЮЦИЯ ПОНИМАНИЯ СОЦИАЛИЗМА
РУКОВОДИТЕЛЯМИ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
THE EVOLUTION OF UNDERSTANDING SOCIALISM
BY THE LEADERS OF THE SOVIET STATE**

В статье рассматривается эволюция понимания социализма руководителями советского государства. Обосновывается положение, согласно которому советское общество в целом соответствовало критериям (по Э. Гидденсу) обществ современности.

Ключевые слова: марксизм; коммунизм; социализм; собственность; капитализм; социал-демократия; большевики; современные общества.

The article discusses the evolution of understanding of socialism by the leaders of the Soviet state. The situation is substantiated, according to which Soviet society as a whole met the criteria (according to E. Giddens) of modern societies.

Keywords: marxism; communism; socialism; own; capitalism; social democracy; the Bolsheviks; modern societies.

На рубеже XIX–XX вв. модификация марксистского понимания коммунизма (социализма) в России получила иное направление, нежели в развитых европейских странах. Деятели западноевропейской социал-демократии, например, Э. Бернштейн, в это время уже исходили из того, что общественная, или коллективная, собственность разовьется не вследствие насильственного уничтожения частной собственности, а, наоборот, последняя исчезнет, когда первая достигнет достаточно высокой ступени развития, подобно тому, как феодализм пал в условиях вполне сложившейся буржуазной собственности [1, с. 377]. Более того, он не только поставил под сомнение необходимость революции и установления диктатуры пролетариата, но и полагал, что распространение всеобщего избирательного права, рост численности и влияния социал-демократических партий создают условия для мирного движения буржуазного общества к социализму или, согласно термину Э. Бернштейна, к «товарищескому строю» [2, с. 99]. Очевидно, что эти положения находятся в русле марксовской интерпретации процесса смены способов производства. В российских условиях оказались востребованными не эволюционные, а революционные аспекты учения К. Маркса.

Разумеется, некоторая вероятность восприятия российским социал-демократическим движением естественно-исторического характера общественных изменений имела. Она была связана с подходом к политической практике Г. В. Плеханова, который вполне в духе марксизма полагал, что «характеризующая капитализм социализация *производства* прокладывает путь для обращения в общую собственность его *средств и продуктов*» [3, с. 333], что отнюдь не влечет за собой необходимость насильственных революционных преобразований. И поэтому, считал он, «русские революционеры должны стать на точку зрения социальной демократии Запада и разорвать свою связь с бунтарскими теориями» [3, с. 333].

Как показал последующий ход событий, такая возможность не была использована. Российская интеллигенция в большинстве своем со времен А. Н. Радищева находилась в оппозиции к самодержавной власти и была ориентирована на радикальные, с применением насилия, общественные

преобразования. Видимо, отчасти в силу данного обстоятельства российское социал-демократическое движение своим лидером признало не Г. В. Плеханова, а В. И. Ленина, характеру которого импонировали революционные элементы учения К. Маркса. Однако, с нашей точки зрения, все же определяющее значение в данном выборе имели конкретно-исторические условия того времени, которые революционизировали различные слои российского общества.

Действительно, в отличие от западно-европейских обществ развитых стран, которые к концу XIX – началу XX в. по всем параметрам уже были современными, т. е. посттрадиционными, российское общество к тому времени прошло лишь начальную стадию своей трансформации в общество современности. Реформы «сверху» 1860–1870-х гг. (отмена крепостного права, судебная, земская, школьные и другие нововведения) позволили стране вступить на путь экономической и технологической модернизации. В то же время становление других институтов обществ современности сдерживало, если не препятствовало, наследие феодализма в виде самодержавного политического строя, отсутствие законодательно гарантированных прав и свобод личности, сохраняющихся сословного социального деления и помещичьего землепользования, общинных порядков в деревне и др. Эти факторы и привели в определенных внешнеполитических условиях к революции 1905–1907 гг., а затем к Февральской и Октябрьской революциям 1917 г.

Безусловно, толчком к Февральской революции послужило резкое обострение социально-экономической и политической ситуации в связи с военными неудачами России и хозяйственной разрухой в период Первой мировой войны. Поэтому первоочередной задачей революции явилось разрешение неотложных проблем обеспечения функционирования страны. В стратегическом плане эта революция была нацелена на преобразование общества в соответствии с идеями Просвещения, т. е. утверждение в общественной жизни научного знания, политических свобод, равенства граждан в их правах, социального прогресса, освобождения человеческого сознания от предрассудков и суеверий. Февральская революция действительно предоставила населению широкие демократические права и свободы, что привело к лавинообразному нарастанию требований различных категорий граждан к новой власти. Однако эта революция не смогла разрешить насущные социально-экономические и политические проблемы в интересах широких слоев населения – рабочих, крестьян, солдат и матросов. Поэтому очень скоро социально-политический кризис в стране получил новое обострение, сопровождавшееся распадом общества и государства. Это привело к Октябрьской революции, в результате которой у власти оказалась Российская социал-демократическая рабочая партия (большевиков).

Большевики во главе с В. И. Лениным предложили программу преодоления кризиса, которая была поддержана широкими, по большей части

обездоленными слоями населения. Она заключалась в немедленном предложении демократического мира, отмене помещичьей собственности на землю, национализации фабрик и заводов, организации рабочего контроля над производством и распределением продуктов, защите демократических завоеваний (8-часового рабочего дня, прав и свобод граждан), передаче всей власти Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов [4].

Стратегической целью Октябрьской революции, которую к концу 1930-х гг. стали называть социалистической, большевики провозгласили переход к коммунизму – обществу, основанному на общественной собственности на средства производства и потому, как считалось, свободного от эксплуатации человека человеком. Термин «коммунизм» они заимствовали у марксизма – влиятельного на то время учения, но при этом дали ему собственное толкование. «...Начиная социалистические преобразования, – говорил В. И. Ленин на съезде большевистской партии в марте 1918 г., – мы должны ясно представить перед собой цель, к которой эти преобразования, в конце концов, должны быть направлены, именно цель создания коммунистического общества, не ограничивающегося только экспроприацией фабрик, заводов, земли и средств производства, не ограничивающегося только строгим учетом и контролем за производством и распределением продуктов, но идущего дальше к осуществлению принципа: от каждого по способностям, каждому по потребностям» [5, с. 44].

В большевистском «марксизме», получившем в последующем название ленинизма, понятие «коммунизм», вопреки аутентичному марксизму, истолковывалось и как состояние, которое должно быть установлено, и как идеал, с которым должна сообразоваться действительность. Причем акцент в представлениях большевиков о должном состоянии такого общества или, согласно более привычной терминологии, в понимании ими коммунизма так или иначе делался не столько на возникновении объективных условий для всестороннего развития каждого индивида, сколько на обеспечении определенного уровня благосостояния членов отдельно взятого общества. Сроки достижения такого состояния или, как было принято говорить, построения коммунистического общества сокращались до продолжительности жизни одного поколения [6, с. 318]. Количество последовательных общественных стадий на пути к заявленному состоянию действительности ограничивалось двумя: (1) социализмом как низшей фазы нового общества и (2) собственно коммунизмом как полностью осуществленного общественного идеала.

Накануне Октябрьской революции и в первые месяцы после ее свершения В. И. Ленину переход к «низшей фазе» коммунистического общества (в его интерпретации такового) представлялся как простая передача после завоевания власти – «немедленно, с сегодня на завтра» – под контроль народа всего производства и распределения продуктов [7, с. 100]. «Социализм, –

писал он, – есть не что иное, как государственно-капиталистическая монополия, **обращенная на пользу всего народа** и постольку **переставшая** быть капиталистической монополией» [8, с. 192]. Такое общество, уточнял В. И. Ленин, «будет одной конторой и одной фабрикой с равенством труда и равенством платы» [7, с. 101].

Когда проект тотального огосударствления средств производства большевиками был реализован, то его, так сказать, задним числом стали называть «военным коммунизмом». Этот термин, с одной стороны, отражал существовавшие в умах российских революционеров представления о путях утверждения коммунистического общества, а с другой – указывал на вынужденный характер такой политики в условиях гражданской войны. Как бы то ни было, результатом политики «военного коммунизма» стали, вопреки ожиданиям, катастрофический спад производства и начавшийся новый общественный кризис (кронштадский мятеж, крестьянские восстания, волнения в городах, массовый голод). «Выход» из него большевики искали в частичном восстановлении рыночных отношений между производителями.

Такой подход В. И. Ленин поначалу назвал «новой экономической политикой» («НЭПом») и квалифицировал ее «стратегическим отступлением» [9, с. 158]. Первые ее положительные результаты послужили В. И. Ленину основанием для отказа от своих прежних представлений о непосредственном переходе к коммунизму и определения низшей его фазы – социализма – как «строя цивилизованных кооператоров» [10, с. 373]. Это означало перемену понимания В. И. Лениным социалистического общества и процесса перехода к нему. Если раньше кооперативы, или артели, он считал «буржуазной» формой производства, то теперь, с победой пролетариата над буржуазией, он призывал «организовать население в кооперативы в широких масштабах» и учить их умело и грамотно вести дело производства на рыночной основе. Это потребовало возрождения и рыночной инфраструктуры, включая универсальное средство обмена – деньги. Это означало и отказ от понимания социализма как безрыночного и безгосударственного общественного устройства. Это означало также восстановление права частной формы собственности на средства и продукты производства.

Тем временем, однако, страна все глубже погружалась в новый социально-экономический и политический кризис, который своего апогея достиг к зиме 1928 г. Согласно выводу французского историка Н. Верта, можно говорить лишь об относительном успехе НЭПа. По его подсчетам, промышленное производство в советской России по сравнению с 1913 г. увеличилось в 1927 г. на 18 %. Однако в период с 1924 по 1927 г. производство зерна сократилось на 10 % по сравнению с довоенным уровнем. В 1926 г. количество зерна для продажи на внутреннем рынке было в два раза меньше, чем в 1913 г. [11, с. 187]. В результате каждый год вставал вопрос о снабжении продовольствием городов, поскольку крестьяне упорно не хотели торговать

с государством. Это, в свою очередь, сдерживало развитие всей экономики. К 1928 г. ситуация приобрела катастрофический характер – страна оказалась перед провалом хлебозаготовок.

На сей раз уже под руководством И. В. Сталина, противника отказа от методов «военного коммунизма», «выход» был найден в насильственной коллективизации крестьянских хозяйств и в установлении обязательных, по большей части непосильных, налоговых поставок сельхозартелями (колхозами) государству своей продукции. Этот поворот в политике И. В. Сталин определил как **«успешное наступление на капиталистические элементы»** [12, с. 118]. Бремя спасения страны от полного экономического и государственного краха, таким образом, было возложено на многомиллионную массу крестьянства, что признавалось официально. Тем не менее немедленным следствием принудительной коллективизации стало снижение объема зерна и поголовья домашнего скота почти в два раза, что вызвало страшный голод 1932–1933 гг. Сельское хозяйство страны смогло достичь уровня НЭПа только к 1940 г. [13, с. 408].

Начиная с 1934 г. прежде всего в документах ВКП (б) [14, с. 5], а затем и в нормативных правовых актах советского государства, например, в Конституции СССР 1936 г. сложившееся в стране общество определялось как социалистическое, в котором осуществляется принцип «от каждого по способностям, каждому – по его труду».

Если сравнивать советское общество с критериями (по Э. Гидденсу) обществ современности [15, с. 177–187], то его, безусловно, следует относить к модерному обществу, отличающемуся определенной спецификой:

Во-первых, советское общество характеризовалось производством продуктов на основе государственной и ассоциированной (кооперативной) собственности на капитал и наемного труда, сочетанием рыночного обмена с директивным планированием хозяйственной деятельности, наличием определенной социально-классовой структуры.

Во-вторых, это было общество, производство в котором во всевозрастающей мере осуществлялось на индустриальных технологиях с использованием колоссальных энергетических ресурсов и сложнейших технических сооружений и механизмов.

В-третьих, оно характеризовалось наличием развитой, может быть, гипертрофированной системы контроля за деятельностью населения в различных сферах общественной жизни, главным образом в области политики.

В-четвертых, в нем были налажены полный контроль со стороны государственных институтов над средствами осуществления насилия на своих территориях и прочные связи с индустриализмом в деле как организации войск, так и системы вооружения, находящихся в их распоряжении.

В-пятых, советский «социализм» являлся не мировой безклассовой ассоциацией, пришедшей на смену обществам современности, а отдельным

общественным устройством, которое обладало чертами национального государства: определенной территорией, наделенным формально равными правами социально и культурно дифференцированным населением, федеративным государственным устройством, сложной системой властных институтов и т. д.

Важно также ответить на вопрос, не вышло ли советское общество за пределы общественной экономической формации (по К. Марксу), на что претендовали большевики, позиционируя себя как истинных марксистов и декларируя целью своей деятельности осуществление принципа «от каждого по способностям, каждому по потребностям». Очевидно, что оно не вышло из «царства осознанной необходимости», т. е. за пределы экономической общественной формации, а значит, никак не приблизилось к решению проблемы преодоления отчуждения человека.

Советское общество, безусловно, обеспечивало минимум социальных благ для всего населения: оно давало людям работу, пищу, одежду, жилье, медицинскую помощь, пенсию, заботилось об образовательном уровне различных возрастных категорий граждан. Для многомиллионного неграмотного деревенского населения это означало выход из темноты и невежества, приобщение к культуре и прогрессу, возможность достижения личных успехов в различных сферах деятельности, принимать участие в управлении государственными делами. Такое социально-экономическое, политическое и духовно-культурное бытие воспринималось как социализм (по К. Марксу) и было приемлемо для большинства населения страны. Трудности и тяготы, испытываемые советскими людьми в довоенное время, в годы Великой отечественной войны и в первые послевоенные десятилетия, большинством понимались как временные, которые будут преодолены в ближайшем будущем.

Мы полагаем, что термин «социализм», поскольку он утвердился в научной литературе и политическом лексиконе как обозначение общества по типу советского, может использоваться в данном значении и впредь. В специальной научной литературе при его применении в указанном смысле целесообразно делать оговорку, что в марксизме он имеет иное значение. В таких случаях было бы правильным указывать и характерную черту подобного типа общества, к примеру, *государственный социализм*. Кстати будет сказать, что именно так поступали К. Маркс и Ф. Энгельс, употребляя термины «феодальный социализм», «утопический социализм», «немецкий социализм» и т. п. [16].

Темпы экономического развития СССР и ряда других стран социалистического содружества в первые пятнадцать лет после Второй мировой войны значительно опередили рост экономик западных стран [13, с. 402]. В этих условиях руководство советского государства и Коммунистической партии Советского Союза, в частности Н. С. Хрущев, были убеждены, что

в обозримом будущем страна перегонит по уровню производства развитые капиталистические страны. Такая уверенность обусловила принятие в 1961 г. XXII съездом КПСС третьей партийной программы, в которой содержалась следующая констатация: «Мировая социалистическая система уверенно идет к решающей победе в экономическом соревновании с капитализмом. Уже в ближайший период она превзойдет мировую капиталистическую систему по общему объему промышленного и сельскохозяйственного производства» [17, с. 25].

В программе выдвигалась задача построения в основном в СССР в 1961–1980 гг. коммунистического общества в его ленинском понимании. «Коммунизм, – говорилось в ней, – это бесклассовый общественный строй с единой общенародной собственностью на средства производства, полным социальным равенством всех членов общества, где вместе с всесторонним развитием людей вырастут и производительные силы на основе постоянно развивающейся науки и техники, все источники общественного богатства польются полным потоком и осуществится великий принцип “от каждого – по способностям, каждому – по потребностям”». Очевидно, что идея утверждения бесклассового общества в одной отдельно взятой стране в корне противоречит аутентичному марксизму [17, с. 62].

Однако период динамического роста советской экономики в послевоенное время оказался непродолжительным. Вопреки оптимистическим ожиданиям, экономика СССР и других стран советского блока не смогла выдержать конкуренции по критериям эффективности с экономикой западных стран. Вскоре после 1960 г. становилось все очевиднее, что государственная экономика, которая называлась социалистической, уступает социально-либеральной экономике, называвшейся капиталистической. Во второй половине XX в. она продолжала функционировать по принципам модели

В 1920-х гг. предпринимавшиеся попытки ее реформирования сводились к реорганизации механизма управления, в результате чего ее развитие все больше замедлялось, чем ускорялось.

Доктринальная приверженность принципу государственной собственности на средства производства как критерию социализма оставалась незыблемой в бытность генеральными секретарями ЦК КПСС Л. И. Брежнева, К. У. Черненко, Ю. В. Андропова. Долгое время она не позволяла руководителям советского государства осознать, а главное, признать, что административно-командная экономическая система страны не приспособлена для саморазвития на основе современных научно-технических достижений. Впервые задача дополнения существующей в СССР экономической системы частной формой собственности и современной рыночной инфраструктурой на официальном уровне была признана в 1989 г. II Съездом народных депутатов СССР и в 1990 г. поддержана последним, XXVIII съездом КПСС [18, с. 164].

Однако времени на реализацию разработанного курса руководителям коммунистической партии и советского государства история уже не отвела. Через год с небольшим существование СССР, как и КПСС, было прервано. Распад Советского Союза знаменовал начало нового периода развития мирового сообщества. Одновременно перед человечеством встала проблема поиска новых подходов организации своего общежития.

Список использованных источников

1. *Бернштейн, Э.* Очерки из истории и теории социализма / Э. Бернштейн. – СПб.: Изд-е Б. Н. Звонарева, 1902. – 400 с.
2. *Бернштейн, Э.* Возможен ли научный социализм / Э. Бернштейн // Свободная мысль. – 1992. – № 16. – С. 94–106.
3. *Плеханов, Г. В.* Социализм и политическая борьба / Г. В. Плеханов // Антология мировой политической мысли: в 5 т. – М., 1997. – Т. 4: Политическая мысль в России: вторая половина XIX в. – XX в. – С. 27–338.
4. *Ленин, В. И.* К гражданам России / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М., 1962. – Т. 35: Октябрь 1917. – март 1918. – С. 1.
5. *Ленин, В. И.* Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии 8 марта / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М., 1969. – Т. 36: Март – июль 1918. – С. 43–49.
6. *Ленин, В. И.* Задачи союзов молодежи (Речь на III Всероссийском коммунистическом союзе молодежи 2 октября 1920 г.) / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М., 1981. – Т. 41: Май – ноябрь 1920. – С. 298–318.
7. *Ленин, В. И.* Государство и революция / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М., 1974. – Т. 33: Государство и революция. – С. 1–120.
8. *Ленин, В. И.* Грозящая катастрофа и как с ней бороться / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М., 1969. – Т. 34: Июль–октябрь 1917. – С. 191–194.
9. *Ленин, В. И.* Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М., 1970. – Т. 44: Июнь 1921 – март 1922. – С. 155–175.
10. *Ленин, В. И.* О кооперации / В. И. Ленин // Полн. собр. соч.: в 55 т. – М., 1970. – Т. 45: Март 1922 – март 1923. – С. 369–377.
11. *Верт, Н.* История Советского государства / Н. Верт. – 3-е изд., испр. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2006. – 560 с.
12. *Сталин, И. В.* Год великого перелома. К XII годовщине великого Октября / И. В. Сталин // Соч. – Т. 12: Апрель 1929 – июнь 1930. – С. 118–135.
13. *Хобсбаум, Э.* Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991) / Э. Хобсбаум. – М.: Изд-во «Независимая Газета», 2004. – 632 с.
14. Резолюции XVII съезда ВКП (б). – М.: Партиздат, 1934. – 64 с.
15. *Гидденс, Э.* Последствия современности / Э. Гидденс. – М.: Издат. и консалтинг группа «Праксис», 2011. – 352 с.
16. *Маркс, К.* Манифест коммунистической партии / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч.: в 50 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М., 1955. – Т. 4. – С. 419–459.

17. Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. – М.: Политиздат, 1975. – 144 с.

18. Резолюция XXVIII съезда КПСС. О политике КПСС в проведении экономической реформы и переходе к рыночным отношениям // Материалы XXVIII съезда Коммунистической партии Советского Союза. – М.: Политиздат, 1990. – С. 162–164.

(Дата подачи: 20.02.2020 г.)

А. П. Мельников

Белорусский государственный университет, Минск

A. Melnikov

Belarusian State University, Minsk

УДК 328.185

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ КОРРУПЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ ГЕРМАНИИ И РОССИИ

STRUGGLE AGAINST CORRUPTION IN CONTEMPORARY GERMANY AND RUSSIA

В статье анализируется проблема противодействия коррупции в двух крупнейших странах Европы – Германии и России. Рассматриваются законодательная база, уровни социального контроля по предотвращению коррупции в ФРГ, а также субъекты данного контроля. Значительное внимание уделяется различным формам проявления коррупции в Российской Федерации, законодательным инициативам соответствующих государственных структур, Федеральному закону «О противодействии коррупции», Национальной стратегии и Национальным планам противодействия данному негативному явлению. Даются предложения по возможному элементному составу антикоррупционного механизма в современной России.

Ключевые слова: Германия; Россия; Конвенция Совета Европы о противодействии гражданско-правовой ответственности за коррупцию; коррупция; социальный контроль по противодействию коррупции; субъекты социального контроля; механизм противодействия коррупции.

The article is dedicated to the issue of struggle against corruption in two of the largest European countries – Germany and Russia. The author investigates the legal framework, the levels of social control over corruption prevention in the Federal Republic of Germany, as well as the subjects of this control. Special emphasis is laid on various manifestations of corruption in the Russian Federation, legislative initiatives of the relevant public authorities, the Federal Law “On Corruption Struggle”, the National Strategy and the National Agendas for struggle against this negative phenomenon. The author concludes with proposals concerning the constituent structure of anti-corruption mechanism in contemporary Russia.

Keywords: Germany; Russia; the Civil Law Convention of the Council of Europe on Corruption; social control over corruption prevention; subjects of social control; anti-corruption mechanism.